

ДЖОРЖ БАЛАНЧИН — СКУЛЬПТОР

Георгий Мелитонович Балачивадзе. Год рождения 1904. Санкт-Петербург. В детстве мечтал стать пианистом. В 16 лет под влиянием авангардиста Касьяна Голейзовского предпринимает первые хореографические попытки; после революции 1917-го выступает в Мариинке. В 1924-м уезжает на Запад, становится хореографом у Дягилева, сменив Брониславу Нижинскую. Ему был 21 год. Думал ли тогда Балачивадзе, что необратимо и неузнаваемо изменит лицо классического балета? Возможно.

Последние 50 лет своей жизни прожил в США, решив, что именно эта страна позволит ему раскрыться максимально. Умер 10 лет назад в Нью-Йорке. 30 апреля 1983 года. В 79 лет.

Свежий номер французской «Монд» публикует эссе Доминик Фретар о великом Скульпторе тела человеческого — Джордже Балачивадзе.

Всего лишь гипотеза: Балачивадзе стал хореографом, потому что любил женщин. По крайней мере любил по-своему, как скульптор любит глину, обласканную его пальцами в процессе создания совершенной формы.

Время от времени Балачивадзе испытывал любовь к тому или иному из своих творений. Это было неизбежно, ведь его балерины становились самыми утонченными персонажами XX века: мечтаны, облеченными в плоть: subtilными сублимациями чистого духа. В созданиях Балачивадзе незримо живет дух произведений Джакометти: ни малейшего намека на округлость, невероятная стройность ног, изящный бюст практически без линии груди, высокая лебединая шея и застывшие величавые маски вместо лиц.

Не все творения Балачивадзе достигали подобного совершенства, только некоторые. И тогда мастер женился на Галатеех: таких случаев насчитывается пять.

Дебют — в 18 лет с Тамарой Гева. Затем последовали Александра Данилова, Вера Зорина,

Мария Толгифф, индианка по происхождению и Танакил Леклерк, которая в 1956 году оказалась парализована.

Пять красавиц, пять хрупких танцовщиц. «Я не должен был жениться ни на одной, ведь я — облако в штанах. Я работник, садовник. Я — Водолей, а Водолей вовсе не обязательно должен быть представителем мужского пола; он — суть вода и воздух!»

Итак, мастер-коллекционер. Он ищет уникальную красоту. Танцовщицы преданы ему до беспамьяства. Он сам выбирает для них одежду, духи.

Мастер-тиран? Но с изысканными манерами. Ему вовсе не нужно повышать голос. Кстати, Балачивадзе вообще не любит слов. Ему достаточно показать «как надо делать». Для этого существует его тело — для показа.

Близко знавшие его люди говорят, что «талант бил из него ключом»: 1926-й — «Пастораль» на музыку Орика; 1927-й — «Кошка», музыка Соре. Вершиной европейской достижений становится «Аполлон» на музыку Стравинского.

«Аполлон» становится предвестником новой эпохи в балете. После смерти Дягилева Балачивадзе принимает приглашение американца Линкольна Кирстейна и отправляется работать в Новый Свет, где приходится пережить немало злоключений. В 1947 году он ненадолго возвращается в парижскую «Опера», но вскоре снова отбывает за океан: в 1948 году у него появляется «своя труппа», которая называется «Нью-Йорк сити бэллы». Отныне танцовщицы будут называть его «мистер Би».

Сьюзенн Фаррелл — квинтэссенция «баланчинской героини». Хореограф без ума от новой пассив. Но волшебная муза Фаррелл оказывается последней страстью, ускользнувшей из объятий Пигмалиона. Балачивадзе к тому времени был уже слишком стар и сознавал это. Но только лишь стало известно, что Фаррелл избрала спутником

ТЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

жизни перуанского танцовщика Пола Меиху, разразился скандал. Балачивадзе была вынуждена на шесть лет (1969—1975) уйти в театр Бежара. Правда, в конце концов Балачивадзе простил ее, снова приняв блудную Галатею в свою труппу.

«В балете женщина занимает первое место. Во всех остальных областях жизни первым всегда оказывается мужчина». Возможно, это утверждение родилось как контраргумент на высказывание Дягилева о том, что в центр своих творений он всегда ставит мужчину. А может быть, это следствие столкновения с Америкой и американками?

Только европеец с репутацией бунтаря и мятежника, представитель Старого Света со своеобразной эстетической неприкосновенностью мог создать в послевоенной пуританской Америке балет во славу женщины и женского тела, не стянутого корсетом и не втиснутого в пачку, но свободного, четко обрисованного и естественного.

Мария Калигари, одна из последних танцовщиц, ставших солистками мистера Би, рассказывала уже после смерти учителя: «Мистер Балачивадзе всегда работал по-разному. Каждый день он изменял порядок упражнений. Было очень трудно, но потом тело расцветало. Человеческий организм ленив, его трудно приучить ко всему экстремальному, поэтому необходимо все время стремиться за пределы возможного. Мы, например, повторяли некоторые упражнения по сто раз подряд. Когда я рассказываю об этом, многие люди в ужасе отшатываются. Но в конце концов в этом-то и было настоящее счастье».

До сих пор многие удивляются, читая в биографии, написанной Бернаром Тэйпером, что члены труппы называли Балачивадзе не иначе, как «мамой». «Мама — это всегда лучше, чем отец». — неизменно отвечал хореограф в ответ на недоуменные вопросы.

Мэтр из Санкт-Петербурга, мечтающий в детстве стать пианистом, создал в конечном итоге

замечательные музыкальные инструменты, которыми он — балетмейстер (Балачивадзе не любил, когда его называли как-либо иначе) дирижировал, как настоящим оркестром. Танец становился музыкой; на репетиции Балачивадзе приходил с готовыми партитурами, записанными только в голове. Его ум был нотной бумагой. А ноты размещались в пространстве и изгибах тел.

«Оркестр — самое главное в балете, и я всегда настаиваю на том, чтобы у труппы были самые лучшие музыканты и гениальные дирижеры». Ирвинг Берлин расстается с «Ройял бэллы» и переходит в его театр. Но самым идеальным компаньоном в поисках вечной красоты оказывается Стравинский духовный наставник Балачивадзе, с которым хореограф работал более чем над двадцатью произведениями. В 1947 году мистер Би писал: «В музыке Стравинского преобладает танцевальный элемент — пульсация. Она постоянна, напряжена, полна сил и энергии и увлекает в нескончаемый поток движения... Исполнитель не должен бояться (увы, многие до сих пор боятся!) того, как динамично использует Стравинский мгновения безмолвия. Нужно уметь верить музыке. Живым секретом его произведений всегда остаются удивительное чувство времени и острое ощущение пробужденного бытия».

Стравинский, в свою очередь, отвечал: «Смотреть на хореографию Балачивадзе — все равно что слушать музыку с помощью глаз. Для меня его визуальный слух стал одним из величайших открытий. Хореография Балачивадзе пробуждает в музыке такие потенциалы, которые практически не ощущаются ухом. Спектакль становится принципиально иным произведением, гораздо более глубоким, нежели мог бы предположить автор музыки».

История сотрудничества Балачивадзе и Стравинского, начавшись в Париже, в 1942 году возобновляется в Америке. Хореограф ставит в Нью-Йорке «Балет слонов» — благотворительный спектакль, сборы от кото-

рого идут в фонд помощи армии союзников. Стравинский по заказу Балачивадзе пишет партитуру балета для пятидесяти грациозных танцовщиц и... пятидесяти молодых слонов из цирка «Барнум и Бейли». Гении любили себя потешить. Премьера состоялась 9 апреля 1942 года в Мэдисон-сквер.

Все музыкальные критики единодушны во мнении, что самым совершенным детищем этого тандема стал балет «Эгон» (1957). Стравинский отметил в подзаголовке: «балет-сражение». Спектакль стал современной интерпретацией танцев XVIII века — с сарабандой и прочим весельем.

В 1971 году Стравинский скончался. Год спустя Балачивадзе создал спектакль, посвященный его памяти, подготовка к которому, по словам Линкольна Кирстейна «напоминала подготовку к высадке союзников в Нормандии». Семь творений мистера Би — в том числе и гениальный «Концерт для скрипки» — стали великолепным ответом мастера тем критикам, которые уверяли, что его театр приходит в упадок и не может конкурировать с восходящей звездой Джерома Роббинса. Сам Роббинс в 1969 году, после нескольких лет забвения, вернулся в «Нью-Йорк сити бэллы» на гребне триумфа «Вестсайдской истории» и подарил труппе несколько замечательных постановок.

«Я никогда не пытался и не пытаюсь создавать гениальные творения. Все... для развлечения».

Есть произведения Балачивадзе, напоминающие Петипа. Но есть и «Блудный сын» (декорации Жоржа Руо), который достигает невероятных высот, привнося в балет психоанализм и российскую возвышенность. Существуют произведения Балачивадзе, в которых нет ничего «баланчинского». Этот человек никогда не переставал удивлять. Выгони славянскую душу за дверь — она войдет через окно.

Почитатели Стравинского считали хорошим тоном пренебре-

жительное отношение к Чайковскому. Балачивадзе же никогда не скрывал своей симпатии к автору «Щелкунчика», «Спящей красавицы» и «Лебединого озера». «Не стоит делать вид, что Чайковский мог сочинить только красивые мелодии. Он строит сложнейшие композиции, переплетает мелодии и создает гармонию, подобные готическому собору — дающие волю воображению и развивающие музыкальную тему в разных тональностях, сохраняя верность первоначальной идее».

Верный памяти Санкт-Петербурга, Балачивадзе тем не менее восхитился Америкой, как экзальтированный мальчишка. Восхищался бескрайними прериями в вестернах и фигурами танцовщиц в мюзиклах, отмечая их ловкость и силу. Сам стал хореографом двадцати музыкальных комедий: «На цыпочках», «Малышки в объятиях» и «Безумства Зигфилда». В этом жанре Балачивадзе явился Лондону в 1931 году — он ставил балеты для ревю Чарльза Б. Кочрона. Балачивадзе поменял высказывание своего учителя Голейзовского: классический стиль может проявить себя везде, а классический танец возможен на любую музыку.

Итог творчества Балачивадзе — 153 балета и 20 музыкальных комедий. Последние творения датируются 1982 годом, все они созданы на музыку Стравинского — «Танго», «Ноев ковчег», «Персефона» и «Вариации для оркестра», солисткой которого стала Фаррелл. В начале 80-х годов, незадолго до смерти хореографа, критики стали замечать в его балетах «захлебывающееся чувство жизни».

Когда Балачивадзе спрашивали о будущем его творений, этот человек — «облако в штанах» отвечал: «Мне все равно. Если мои друзья или молодежь труппы захотят продолжить мое дело — в добрый путь. Надеюсь, им это удастся. Но, честно говоря, это для меня ничего не значит. Только настоящее может быть прекрасным».

Перевела с французского Елена ТЕЛИНГ, АТЕР.